9
327

Е. А. ЗАГОРОВСКІЙ.

ВОЕННАЯ КОЛОНИЗАЦІЯ НОВОРОССІИ

ПРИ

ПОТЕМКИНѢ.

ОДЕССА.
„Экономическая“ типографія, улица Жуковскаго, № 43.
1913.

Печатано по постановленію Правленія Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества *С. Г. Вилинскій.*

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
М
1259362

Въ моментъ своего вступленія въ 1774 году въ управленіе Новороссійской губерніей Потемкинъ нашелъ въ ней десять поселенныхъ полковъ: пять гусарскихъ (Черный, Желтый, Молдавскій, Бахмутскій и Самарскій), четыре пикинерныхъ (Елисаветградскій, Донецкій, Днѣпровскій и Луганскій) и одинъ конный казачій, безъ названія, въ Бахмутской провинціи (донесеніе губернской канцеляріи Потемкину отъ 9 октября 1774 года, см. Скальковскій, Хронологическое Обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края, т. I, 112). Нужно замѣтить, что два указанные въ этомъ перечнѣ полка, именно Самарскій гусарскій и безъимянный конный казачій существовали едва ли только не на бумагѣ; о первомъ изъ нихъ (Самарскомъ) мы изъ офиціальнаго источника — „Записки о славяносербскомъ поселеніи", знаемъ, что онъ въ 1765 году былъ слитъ съ Бахмутскимъ гусарскимъ полкомъ (см. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ, вып. XVI, стр. 143), что потверждается также тѣмъ фактомъ, что въ Екатерининской комиссіи 1767 года фигурировалъ одинъ депутатъ, М. Тошковичъ, отъ обоихъ полковъ вмѣстѣ (см. Филиппов, Депутаты Екатерининской комиссіи и Правительствующій Сенатъ. Журн. Мин. Юст., 1910, № 7, стр. 8—9); что касается безъимяннаго казачьяго полка въ Бахмутской провинціи, то мы больше нигдѣ не находимъ о немъ свѣдѣній. Оба эти сомнительные полка не упоминаются Потемкинымъ въ его ордерахъ при производившемся въ 1775 и 1776 годахъ разграниченіи Новороссійской и Азовской губерній (см. Лѣтописи Екатериносл. Архивн. Комиссіи, годъ

2-ой, ч. 1-ая, №№ 477, 632). Если оставить въ сторонѣ эти два сомнительныхъ полка, то все же Потемкинъ засталъ на мѣстѣ восемь поселенныхъ полковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ Донецкій и Днѣпровскій пикинерные, отличались своимъ многочисленнымъ составомъ (см. Скальковскій, Хронологич. Обозр., т. I, стр. 91). Въ общей сложности эти восемь полковъ въ 1774 году должны были выставлять 16-ть тысячъ человѣкъ (см. Сборникъ Военно-историческ. матер., вып. XVI, стр. 84). Но, несмотря на относительную силу военныхъ поселеній, Потемкинъ не ограничился сохраненіемъ имѣвшихся на лицо полковъ, а уже вскорѣ послѣ начала своей дѣятельности сталъ проэктировать усиленіе военной колонизаціи. Первымъ шагомъ въ этомъ отношеніи явилось учрежденіе Азовской губерніи (14-го февраля 1775 года), однимъ изъ результатовъ котораго было присоединеніе къ подчиненнымъ Потемкину пунктамъ Таганрогской, Ростовской (иначе Дмитріевской) и Азовской крѣпостей (Полн. Собр. Зак. 14252). При каждой изъ этихъ крѣпостей еще до включенія ихъ въ составъ Азовской губерніи существовало по одному поселенному казачьему полку, силой въ 500 человѣкъ (см. Записки Ханыкова о Донской экспедиціи, Записки Одесск. Общества Исторіи и Древностей, т. XIV, стр. 69—70). Теперь эти полки перешли въ вѣдѣніе Потемкина, который сталъ принимать мѣры къ ихъ лучшему устройству; такъ, относительно Дмитріевскаго полка онъ предписывалъ Азовскому губернатору позаботиться отводомъ достаточнаго количества земель полку (см. ордеръ Черткову отъ 1 іюля 1775 г., Лѣтописи Екатер. Арх. Ком., годъ 2-ой, ч. 1-ая, № 439). Но Потемкинъ не хотѣлъ ограничиться этимъ естественнымъ приростомъ военно-поселенческаго элемента, приростомъ, который далеко не соотвѣтствовалъ новымъ запросамъ жизни Новороссіи. (Слѣдуетъ замѣтить, что съ учрежденіемъ Азовской губерніи въ составъ ея вошла также земля Войска Донскаго съ ея военно-поселенческимъ населеніемъ, но эта земля не можетъ быть включаема въ составъ Новороссіи, какъ географическаго термина, и потому мы оставимъ ее

въ сторонѣ). Вѣдь въ это же время, лѣтомъ 1775 года, рѣшилась участь Запорожья, этого стараго и испытаннаго, но въ данный моментъ осужденнаго, оплота русскаго владычества на Югѣ, и Потемкинъ долженъ былъ поспѣшить съ закрѣпленіемъ вновь присоединенныхъ земель. Пограничность этихъ земель сама собою наводила на мысль о военной колонизаціи, какъ самой необходимой. Уже 18 іюля, т. е. спустя полтора мѣсяца послѣ „руйнованья“ Сѣчи, Потемкинъ, въ числѣ другихъ задачъ, которыя онъ возлагаетъ на подчиненныхъ ему губернаторовъ, требуетъ отъ нихъ свѣдѣній, какія суммы изъ мѣстныхъ доходовъ могутъ быть употреблены на содержаніе девяти гусарскихъ и шести пикинерныхъ поселенныхъ полковъ (ордеръ отъ 18 іюля 1775 года, Лѣтописи, № 440). Немного времени спустя, онъ требуетъ отъ нихъ хотя бы примѣрной смѣты суммъ, необходимыхъ на содержаніе этихъ полковъ (ордеръ отъ 31 августа 1775 г., Лѣтописи, № 449). Одновременно съ заботами объ отысканіи денежныхъ средствъ, Потемкинъ началъ организацію самыхъ полковъ, поручивъ ее въ ближайшее завѣдываніе генералу Текели, который, и какъ гусаръ, и какъ сербъ, былъ вдвойнѣ пригоденъ для этой дѣятельности. Готовымъ матеріаломъ для новыхъ военныхъ поселеній являлись два полевыхъ гусарскихъ полка: Сербскій и Венгерскій, обращенные 16 января 1775 года въ поселенные (Сборн. Военно-Ист. Мат., вып. XVI, стр. 16—17). Однако этого и имѣвшагося на мѣстѣ матеріала было недостаточно для наполненія тѣхъ 15-ти поселенныхъ полковъ, которые, какъ мы указали выше, проэктировались Потемкинымъ, въ виду чего Потемкинъ и предложилъ Текели привлекать въ составъ пикинерныхъ полковъ „желающихъ бывшихъ запорожцевъ“ (ордеръ отъ 2 сентября 1775 года, Лѣтописи, № 452). Вмѣстѣ съ тѣмъ Текели, а равно и оба подчиненныхъ Потемкину губернатора, должны были заняться подготовительными работами по отводу земель для будущихъ полковъ, а также по распредѣленію уѣздовъ обѣихъ подчиненныхъ Потемкину губерній между отдѣльными полками, въ качествѣ источниковъ для комплектованія

этихъ послѣднихъ (тотъ же ордеръ). Однако, несмотря на такой усиленный темпъ, формированіе новыхъ полковъ подвигалось довольно медленно. Новаго колонизаціоннаго матеріала, повидимому, оказывалось недостаточно; притокъ „единовѣрныхъ“ славянъ былъ очень слабъ, а попытка привлечь бывшихъ „лыцарей“ — запорожцевъ въ ряды пикинеровъ оказалась неудачной, вслѣдствіе рѣзкаго противорѣчія между проникнутымъ духомъ свободы запорожскимъ укладомъ и требованіями „регулярной“ службы (см. Матеріалы для исторіи б. Запорожья. Кіевск. Стар., 1882, т. III, стр. 356). Только 24 декабря 1776 года появился указъ, регламентировавшій новое устройство военныхъ поселеній. Этотъ указъ опредѣлялъ существованіе 9 гусарскихъ (Славянскаго, Иллирическаго, Сербскаго, Булгарскаго. Далматскаго, Волошскаго, Молдавскаго, Македонскаго и Венгерскаго) и 6 пикинерныхъ (Днѣпровскаго, Елисаветградскаго, Луганскаго, Екатеринославскаго, Полтавскаго и Херсонскаго) поселенныхъ полковъ, съ общей численностью въ 10.458 человѣкъ (Скальковскій, Хронолог. Обозрѣніе, I, 130). Что касается состава отдѣльныхъ полковъ, то относительно гусарскихъ мы имѣемъ свѣдѣнія, что они должны были состоять изъ 6 эскадроновъ каждый, тогда какъ до этой реформы 1776 года гусарскіе поселенные полки имѣли по 16 эскадроновъ (А. Пищевичъ, Примѣчанія на Новороссійскій Край, Кіевская Старина, 1884, т. VIII, стр. 117). Какъ этотъ фактъ, такъ равно и сопоставленіе итога состава всѣхъ переформированныхъ полковъ (немного болѣе 10 тысячъ человѣкъ) съ приведенной нами выше общей суммой штата тѣхъ же полковъ до реформы (16 тысячъ человѣкъ) наводятъ на мысль, что эта реформа 1776 года въ сущности не способствовала увеличенію военно-поселенческаго элемента, а свелась къ перемѣнамъ формальнаго характера, въ видѣ созданія новыхъ полковъ съ новыми названіями. Дѣйствительно, мы имѣемъ, напримѣръ, свѣдѣніе, что Желтый гусарскій полкъ былъ „расформированъ“, т. е. просто раздѣленъ на два—Македонскій и Далматскій (см. аттестатъ, выданный генералъ-поручикомъ

Чорбой полковому священнику Ф. Владевичу, Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. VIII). О размѣщеніи переформированныхъ полковъ мы имѣемъ лишь отрывочныя свѣдѣнія; такъ, мы знаемъ, что Волошскій, Иллирическій и отчасти Славянскій гусарскіе полки были разселены въ Бахмутскомъ уѣздѣ, причемъ штабъ-квартирой перваго являлось село Нижнее, а второго—слобода Желѣзная; Екатеринославскій пикинерный полкъ имѣлъ штабъ-квартиру въ мѣстечкѣ Нефорощѣ на Орели („Описаніе" Азовской губерніи, Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. III, 298—299, 301). Нѣкоторые полки еще до указа 1776 года были перемѣщены на новыя мѣста; такъ, Луганскій пикинерный полкъ былъ переселенъ съ Лугани (изъ Бахмутскаго уѣзда) на рѣчки Самару и Волчьи Воды (въ будущемъ Павлоградскомъ уѣздѣ, см. ордеръ Потемкина отъ 3 мая 1776 года, Лѣтописи, № 566). При этомъ переселеніи въ составъ полка должны были войти жители всѣхъ прежнихъ запорожскихъ зимовниковъ по р. Волчьей, а также желающіе изъ другихъ мѣстъ. Еще раньше, въ 1774—1775 годахъ, Молдавскій гусарскій полкъ, до того времени разселенный между Синюхой и Ингуломъ, былъ переселенъ южнѣе, въ треугольникъ, образуемый низовьями Буга и Днѣпра, на земли, отошедшія отъ турокъ по Кучукъ-Кайнарджійскому миру (Скальковскій, Хронол. Обозр., т. I, 122). Относительно внутренняго распорядка поселенныхъ полковъ послѣ ихъ переформированія, слѣдуетъ замѣтить, что эти полки, по указу 24 октября 1776 года, должны были „комплектоваться всѣми военными и государственными поселянами" (Скальковскій, Хронол. Обозр., т. I, 131). Изъ этихъ словъ указа 1776 года (повторенныхъ въ Сенатскомъ указѣ 25 ноября 1779 года, П. С. З., 14950) вытекаетъ, что переформированные гусарскіе и пикинерные полки не являлись уже, подобно такимъ же дореформеннымъ полкамъ, милиціей чистаго вида, собиравшейся только на время войны, а имѣли, повидимому, опредѣленный контингентъ, всегда находившійся на службѣ. Это предположеніе подтверждается словами извѣстнаго новороссійскаго

дѣятеля Синельникова въ его письмѣ къ столь-же извѣстному правителю канцеляріи Потемкина, Попову; онъ говоритъ, что пикинеры „служили такимъ образомъ, что одинъ былъ на службѣ, а четыре человѣка, его вспомогающихъ, были дома, и какъ его, такъ и оставшихся жену и дѣтей снабжали всѣмъ и охраняли домъ, чтобы не подвергнулся паденію“ (письмо отъ 6 января 1783 года, Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., т. IX). Эти слова, относящіяся къ пикинерамъ „прежняго стата“ (т. е. до новой перемѣны, происшедшей въ 1783 году), могутъ быть распространены и на гусаръ такого же „прежняго стата“, т. е. времени, предшествующаго 1783 году.

Пополненіе состава гусарскихъ и пикинерныхъ полковъ „всѣми военными и государственными поселянами“ открывало широкій доступъ въ эти полки русскому элементу, почти всецѣло наполнявшему категорію „государственныхъ поселянъ“.

Такимъ образомъ первоначальный типъ этихъ гусарскихъ и пикинерныхъ полковъ, какъ полковъ иностранныхъ по составу, теперь исчезалъ. Однако и при Потемкинѣ мы встрѣчаемъ попытки къ пополненію поселенныхъ полковъ иностранцами, если не „единовѣрными“, то единокровными. Именно, между 1776 и 1780 годами происходитъ нѣсколько довольно многочисленныхъ вербовокъ поляковъ съ цѣлью пополненія ими поселенныхъ полковъ. Такъ, благодаря стараніямъ командира Сербскаго гусарскаго полка (обращеннаго въ поселенный въ началѣ 1775 года), Жандра, 40 семействъ польскихъ дворянъ были поселены въ Бахмутскомъ уѣздѣ, вѣроятно, мѣстѣ расположенія полка. Кромѣ того, гораздо бо́льшее количество польскихъ дворянъ, преимущественно мелкой шляхты (до 1,220 человѣкъ), было навербовано поручикомъ Бахмутскаго гусарскаго полка, Давыдовымъ. Эти переселенцы вошли въ составъ Самарскаго и Бахмутскаго полковъ (см. Скальковскій, Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края, I, 248—249). Несмотря на такіе случаи включенія иностранцевъ въ составъ посе-

ленныхъ полковъ, все же эти полки, въ силу измѣненія условій ихъ комплектованія, быстро утратили свой иноземный характеръ.

Вѣроятно въ связи съ вышеуказанной перемѣной во внутреннемъ строѣ поселенныхъ полковъ стоитъ измѣненіе въ порядкѣ обложенія военно-поселенческаго населенія. Именно, указъ 24 декабря 1776 года говоритъ о платежѣ „общей поземельной подати“ какъ государственными, такъ и „военными“ поселянами; между тѣмъ, „Планъ“ Новороссійской губерніи 1764 года (П. С. З. 12099), являвшійся до появленія указа 24 декабря 1776 года единственнымъ законодательнымъ памятникомъ, регулировавшимъ жизнь военныхъ поселеній въ Новороссіи, подводилъ подъ уплату поземельной подати только государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, оставляя „военныхъ поселянъ“ свободными отъ всякихъ податей (гл. II, п. 3). Но дѣло не ограничилось однимъ поземельнымъ обложеніемъ: уже въ 1777 году эти же разряды поселянъ (государственные и военные) были обложены рублевой подушной податью (Скальковскій, Хрон. Обозр., I, 131). Изъ-за взиманія подушной подати съ государственныхъ крестьянъ въ Бахмутской провинціи и Торскомъ уѣздѣ въ 1779 году произошелъ споръ между Азовской и Слободско-Украинской Губернскими канцеляріями, разрѣшенный Сенатомъ въ пользу первой (указъ 25 ноября 1779 года, П. С. З. 14950).

Поселенные гусарскіе и пикинерные полки просуществовали на новыхъ началахъ, данныхъ имъ въ 1776 году Потемкинымъ, до 1783 года, когда при общей реформѣ кавалеріи, предпринятой по совѣтамъ Потемкина, какъ вице-президента Военной Коллегіи, указомъ 28 іюня 1783 года поселенные гусарскіе и пикинерные полки замѣняются конными Екатеринославскими полками (вскорѣ переименованными въ легкоконные), которые, будучи полками регулярными, только комплектуются путемъ набора жителями Новороссіи (Скальковскій, Хронолог. Обозрѣніе, I, 159 — 160; Сборникъ Военно-Историч. матеріаловъ, вып. XVI, стр. 18).

Для упорядоченія этого комплектованія существовавшія до сихъ поръ двѣ категоріи „поселянъ--государственныхъ и воинскихъ“ были соединены въ одну группу „воинскихъ поселянъ“, причемъ были опредѣлены территоріальныя единицы для комплектованія опредѣленныхъ полковъ (Скальковскій, Хронолог. Обозрѣніе, I, 167). Наборъ, производимый съ этихъ „воинскихъ поселянъ“, былъ довольно тяжелъ: именно, одинъ рекрутъ брался съ 30 душъ, въ то время, какъ въ сосѣднихъ Харьковской и Воронежской губерніяхъ нерѣдки были случаи набора одного рекрута съ тысячи (см. письмо Синельникова къ Попову, отъ 2 іюня 1786 года, Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., т. IX).

Параллельно съ разсмотрѣнными нами поселенными гусарскими и пикинерными полками, прекратившими свое существованіе въ 1783 году, мы находимъ въ Новороссіи въ эпоху Потемкина еще другіе виды военныхъ поселеній. Первымъ изъ такихъ видовъ является казачій. Мы уже упоминали выше, что при учрежденіи Азовской губерніи въ составъ ея вошли три казачьихъ полка, поселенныхъ при Таганрогской, Ростовской и Азовской крѣпостяхъ, о которыхъ однако мы не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній; „Описаніе“ Азовской губерніи, составленное въ 1781—1782 годахъ, ничего не говоритъ объ этихъ полкахъ (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., т. III, стр. 295—298). Повидимому, эти полки просуществовали недолго. Зато на смѣну имъ за время Потемкина появился цѣлый рядъ другихъ казачьихъ поселеній въ Новороссіи. Первымъ по времени являются Бугскіе казаки. Возникновеніе ихъ связано съ турецкой войной 1769—1774 годовъ, когда полкъ изъ молдаванъ, волоховъ и болгаръ, бывшій первоначально на турецкой службѣ, перешелъ на сторону единовѣрныхъ имъ русскихъ войскъ. Этотъ полкъ, по окончаніи войны, благодаря стараніямъ Румянцева, получилъ земли вдоль лѣваго берега Буга и образовалъ здѣсь рядъ поселеній, въ томъ числѣ Ольшанку на Синюхѣ, Соколы на Ингулѣ. При этомъ полкъ получилъ „манифестъ“ съ обѣщаніемъ льготы на 30 лѣтъ. Одновре-

менно съ поселеніемъ этого полка по той-же лѣвой сторонѣ Буга былъ поселенъ и другой полкъ, составленный изъ набранныхъ на время военныхъ дѣйствій охотниковъ изъ малороссовъ и поляковъ; этотъ второй полкъ имѣлъ спеціальное названіе „Новонавербованнаго“ и получилъ тѣ же льготы, что и первый. Оба полка были объединены подъ названіемъ Бугскаго казачьяго войска. О внутреннемъ строѣ этого войска мы имѣемъ мало свѣдѣній. Составъ его, какъ видно изъ вышесказаннаго, былъ въ значительной степени нерусскій; впрочемъ, въ него старались ввести и русскіе элементы; такъ въ число Бугскихъ казаковъ были включаемы возвращавшіеся изъ турецкихъ владѣній запорожцы (Самойловъ, Дѣянія кн. Потемкина-Таврическаго, Русск. Арх., 1867 г., ст. 1212). Несмотря на данныя льготы, бугскіе казаки, повидимому, не были особенно довольны своимъ положеніемъ, вслѣдствіе малой культурности тѣхъ мѣстъ, которыя имъ были отведены. Результатомъ этого недовольства явились многочисленные побѣги казаковъ (особенно болгаръ) въ Польшу и Турцію. Неизвѣстно, не стоитъ-ли въ зависимости съ этимъ недовольствомъ бугскихъ казаковъ ихъ положеніемъ, переселеніе ихъ, произведенное Потемкинымъ, по однимъ свѣдѣніямъ въ 1783, а по другимъ въ 1787 году въ мѣста, ближе лежащія къ Днѣпру, преимущественно вокругъ села Красноселья, пріобрѣтеннаго Потемкинымъ въ собственность, а части ихъ даже за Днѣпръ—подъ Бахмутъ. При этомъ казаки лишились военнаго устройства и были обращены въ крестьянъ. Такое упраздненіе Бугскаго войска продолжалось однако недолго. Въ связи съ возникновеніемъ турецкой войны 1787—1791 годовъ усилилась потребность въ казачьихъ войскахъ, и это отразилось на судьбѣ бугскихъ казаковъ. Въ 1787 году снова были сформированы два Бугскихъ казачьихъ полка, поставленныхъ подъ начальство подполковника Скаржинскаго, причемъ въ ихъ составъ вошло много арнаутовъ и другихъ охотниковъ Такъ, въ концѣ 1791 года 650 человѣкъ изъ арнаутской команды кн. Кантакузина были поселены на Бугскомъ гардѣ (письмо

Каховскаго Попову отъ 31 декабря 1791 года. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. X). Составъ полковъ былъ довольно многочисленный; они могли выставить 1000 человѣкъ, имѣя до 4000 душъ населенія обоего пола (о Бугскомъ войскѣ см. Лобачевскій, Бугское казачество и военныя поселенія, Кіевская Старина, 1887 г., т. XIX, 595- 598; Скальковскій, Опытъ, I; 281; 250—252). Бугскіе казаки къ концу Потемкинской эпохи входили въ составъ бо́льшаго цѣлаго—Екатеринославскаго казачьяго войска или корпуса, къ исторіи котораго мы и перейдемъ.

Хотя, какъ мы видѣли, Потемкинъ упразднилъ въ 1783 году поселенные гусарскіе и пикинерные полки, военная колонизація не была вполнѣ отвергнута имъ. По мѣрѣ того, какъ для Потемкина дѣлалась ясной близость борьбы съ Турціей за осуществленіе „греческаго прожекта“, онъ усиливалъ мѣры какъ для обороны подчиненнаго ему края, такъ и для подкрѣпленія тѣхъ военныхъ силъ, которыя должны были столкнуться прежде всего съ турками. Милиціонныя войска доказали свою пригодность въ первую турецкую войну, и теперь, въ ожиданіи второй войны, Потемкинъ обратилъ свое вниманіе въ сторону этихъ войскъ. Запорожцевъ, сыгравшихъ дѣятельную роль въ качествѣ постояннаго авангарда, теперь не было, и нужно было позаботиться объ ихъ замѣщеніи, хотя бы частичномъ.

Проявленіемъ такой заботы Потемкина былъ именной указъ Императрицы Екатерины 3 іюля 1787 года, данный на имя Потемкина (П. С. З., 16552), который, въ виду необходимости „умноженія поселенныхъ войскъ“ для „общаго обезпеченія тамошнихъ предѣловъ“, учреждалъ новое казачье войско (позже названное Екатеринославскимъ). Въ составъ этого войска указъ 3 іюля обращалъ поселенныхъ въ Екатеринославской губерніи, преимущественно по упраздненной Украинской линіи, однодворцевъ. Новое войско должно было быть устроено по образцу Донского, но одновременно съ военнымъ управленіемъ должно было сохраняться и „земское“, т. е. должно было дѣйствовать Учрежденіе о гу-

берніяхъ. Мы увидимъ ниже, что такое двоевластіе не принесло пользы новому войску. Такимъ образомъ Екатеринославское войско первоначально было образовано изъ однодворцевъ, число которыхъ было довольно значительно (еще въ 1773 году оно равнялось 23830 душамъ обоего пола, см. Скальковскій, Хронол. Обозр., I, 92); къ тому же это число старались увеличить: такъ, въ томъ же 1787 году изъ Курской губерніи было переселено около 1500 д. однодворцевъ (Сенатскій указъ 11 сентября 1787 г., П. С. З., 16572). Однако, начавшаяся война побуждала Потемкина къ усиленію вновь учрежденнаго войска новыми элементами. Именнымъ указомъ отъ 14 января 1788 года (П. С. З., 16605) цѣлый рядъ новыхъ категорій „обывателей“ былъ включенъ въ составъ Екатеринославскаго казачьяго войска. Сюда вошли, во-1-хъ, однодворцы и государственные крестьяне города Чугуева и его окрестностей, хотя этотъ городъ входилъ въ составъ не Екатеринославской, а Харьковской губерніи (впрочемъ въ это время тоже подчиненной Потемкину); во-2-хъ, въ качествѣ новаго элемента были привлечены раскольники, поселившіеся въ Екатеринославской губерніи, причемъ указъ рекомендовалъ увеличивать ихъ число путемъ вызова изъ сосѣднихъ польскихъ областей; наконецъ, въ 3-хъ, указъ предписывалъ Потемкину для заселенія полосы между Бугомъ и Ингульцемъ казаками (здѣсь, какъ мы знаемъ, уже жили Бугскіе казаки) скупать у помѣщиковъ, расположенныхъ въ этой мѣстности Херсонскаго и Елисаветградскаго уѣздовъ, ихъ крѣпостныхъ крестьянъ съ землей. Между прочимъ, въ числѣ этихъ помѣщиковъ оказался и самъ Потемкинъ, еще раньше этого указа, 18 ноября 1787 года, продавшій въ казну рядъ деревень около лѣсовъ Чернаго и Чуты, жители которыхъ были обращены впослѣдствіи въ казаки (ордеръ Потемкина отъ 4 декабря 1790 г., Лѣтописи, № 107). Не довольствуясь только что перечисленными категоріями жителей, обращенныхъ въ казаки, Потемкинъ добился того, что въ разрядъ екатеринославскихъ казаковъ былъ зачисленъ цѣликомъ далеко не малолюдный классъ мѣ-

щанъ, поселившихся въ Екатеринославской губерніи (указъ 8 апрѣля 1790 г., П. С. З., 16849). Правда, при этомъ зачисленіи было сдѣлано исключеніе, вызванное соображеніями финансоваго характера, именно болѣе зажиточные мѣщане, которые пожелали бы перейти въ купечество, исключались изъ числа казаковъ; равнымъ образомъ освобождались отъ казачьей службы переселенцы греки и армяне, ввиду ихъ непригодности для этой службы, а также, конечно, и вслѣдствіе данной имъ льготы отъ военной службы вообще (ордеръ Потемкина отъ 22 марта 1790 года. Лѣтописи, № 24). Наконецъ, въ составъ казаковъ были включены заштатные церковники, служившіе вообще въ качествѣ колонизаціоннаго матеріала (указъ 13 марта, Скальковскій, Хрон. Обозр., I, 202). Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, составъ Екатеринославскаго казачьяго войска оказался довольно значительнымъ. Именно, въ 1793 году въ составъ войска входило 24019 однодворцевъ, 4974 раскольниковъ, 9467 мѣщанъ. Наконецъ, въ составъ Екатеринославскаго войска были включены Бугскіе казаки, насчитывавшіе въ это время 3495 человѣкъ. Въ общей сложности войско включало въ себя до 42 тысячъ душъ (см. докладъ графа Салтыкова отъ 4 іюля 1793 года, Архивъ Госуд. Сов., т. I, ч. 2, ст. 228).

Что касается внутренняго устройства Екатеринославскаго казачьяго войска, то главнымъ начальникомъ этого войска являлся Потемкинъ, носившій съ 10 января 1790 г. титулъ Великаго Гетмана Казацкихъ Екатеринославскаго и Черноморскаго войскъ (см. рескриптъ на имя Потемкина, Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XLII, стр. 57—58; а также ордеръ Потемкина отъ 13 февраля 1790 г., Лѣтописи, № 10). Однако, ближайшее руководство было поручено особому лицу, именно Войсковому Атаману, должность котораго при Потемкинѣ занималъ знаменитый впослѣдствіи донской атаманъ М. И. Платовъ, въ то время еще бригадиръ (см. рескриптъ Потемкину отъ 19 марта 1790 года, Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XLII, стр. 64). Внутренняя организація войска была построена по образцу донскихъ казаковъ, от-

куда были приглашены офицеры, начиная съ атамана — Платова. Екатеринославскіе казаки должны были выставлять 10 полковъ, по тысячѣ человѣкъ въ полку. При составѣ населенія войска въ 40 слишкомъ тысячъ душъ, можно думать, что остававшіеся дома являлись „вспомогающими“ для состоящихъ на службѣ въ дѣлѣ веденія ихъ хозяйства; такъ проэктировалъ устроить службу Екатеринославскихъ казаковъ извѣстный помощникъ Потемкина, Синельниковъ, ссылаясь на установившійся такого рода порядокъ въ пикинерныхъ полкахъ „прежняго“, т. е. милиціоннаго, „стата“ (см. его письмо Попову, отъ 1 января 1783 года; Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., т. IX). Офицеры были надѣлены землей (такъ, напримѣръ, полковникъ Красноглазовъ получилъ 1280 десятинъ; см. ордеръ Потемкина отъ 30 августа 1791 г., Лѣтописи, № 344). Екатеринославскіе казаки были созданы главнымъ образомъ ввиду турецкой войны, въ которой они, и въ частности Бугскіе полки, и приняли дѣятельное участіе (см. Скальковскій, Хронолог. Обозрѣніе, I, 209—210), однако эта польза для государства была куплена тяжелыми жертвами обращеннаго въ казачество населенія. Во первыхъ, элементы, обращенные въ казаки: однодворцы, раскольники, мѣщане, не высказывали никакой склонности къ навязанному имъ образу жизни и при первой возможности коллективно обращались къ правительству съ просьбами объ исключеніи ихъ изъ казачества (см. выше цитированный докладъ Салтыкова 1793 года, Арх. Гос. Сов., I, ч. 2, стр. 228—230). Но помимо этого органическаго недостатка, Екатеринославское войско страдало еще другими. Мы говорили, что создавая войско, законъ ставилъ его одновременно въ подчиненіе двумъ властямъ: военной, въ лицѣ офицеровъ, и гражданской, „земской“, начиная отъ правителя намѣстничества и до капитана-исправника. Это двоевластіе дало обильные отрицательные плоды, свѣдѣнія о которыхъ мы находимъ въ рядѣ писемъ „правителя“ Екатеринославскаго намѣстничества Каховскаго къ правой рукѣ Потемкина, В. С. Попову. „Въ казенныхъ селеніяхъ страшная совершаются отъ

донскихъ офицеровъ... всѣ сіи селенія приведены въ совершенную скудость и зажиточные хозяева сдѣлались самобѣднѣйшими", пишетъ Каховскій въ одномъ изъ своихъ писемъ, и тотчасъ же указываетъ на двоевластіе, какъ на одну изъ главныхъ причинъ непорядковъ: военныя власти не обращаютъ никакого вниманія на законныя требованія гражданскихъ чиновниковъ — директора экономіи, капитановъ-исправниковъ, присваиваютъ не принадлежащую имъ власть—„осмѣливаются давать печатные и письменные покормёжные не только во внутрь Россіи, но и заграницу" (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., т. XII, № 15). Жалобы Каховскаго на дурное управленіе казаковъ ихъ военными начальниками встрѣчаются не разъ. „Прихотями и разнаго рода злоупотребленіями столичныхъ офицеровъ, пишетъ онъ въ другомъ своемъ письмѣ (отъ 13 іюля 1792 года), разорены они (казаки) совершенно... Не знаетъ нынѣ ни губернаторъ, ни Намѣстническое Правленіе, ни Казенная Палата, когда вздумается развратному станичному офицеру сдѣлать нарядъ изъ станицъ и дѣлать съ казаками, что онъ хочетъ" (о. с., № 48). Если даже допустить извѣстное сгущеніе красокъ со стороны Каховскаго, являвшагося заинтересованной стороной въ дѣлѣ, то, во всякомъ случаѣ, сами казаки неразъ выражали недовольство своимъ положеніемъ; жалуясь на разореніе и прося (если не всѣ, то подавляющее большинство — однодворцы, раскольники, мѣщане) объ исключеніи ихъ изъ казачества (см. письмо Каховскаго, Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., т. XII, № 15; Арх. Госуд. Сов., т. I, ч. 2, стр. 229). Екатеринославское казачье войско, появившееся на свѣтъ ввиду острой необходимости усиленія военнаго элемента въ Новороссіи во время войны 1787—1791 г., могло заставить забыть о своихъ органическихъ недостаткахъ только въ это критическое время; неудивительно, что оно не надолго пережило и конецъ войны и конецъ потемкинской эпохи, подвергнувшись полной реорганизаціи въ 1793 году, въ видѣ исключенія изъ него всѣхъ однодворцевъ, мѣщанъ и старообрядцевъ, т. е. $^5/_6$ состава (Арх.

Госуд. Сов., I, ч. 2, стр. 228—230). Екатеринославское казачье войско не смогло достигнуть значительныхъ успѣховъ главнымъ образомъ вслѣдствіе неудачнаго выбора матеріала для него; напротивъ, другое созданіе Потемкина въ области казачества—Черноморское войско—оправдало возлагавшіяся на него надежды и оказалось крайне живучимъ, именно вслѣдствіе полнаго соотвѣтствія составлявшаго его человѣческаго матеріала тѣмъ требованіямъ, которыя ему предъявлялись.

Хотя Запорожье являлось „политическимъ уродствомъ“ въ глазахъ и самой Императрицы Екатерины, и окружавшихъ ее лицъ, однако уходъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ испытанной пограничной милиціи въ чужіе предѣлы, отчасти—на службу къ затаившему месть врагу, не могъ не вызывать и у Екатерины, и у ея главнаго помощника въ дѣлѣ закрѣпленія за Россіей новыхъ пріобрѣтеній на Югѣ — Потемкина, стремленія возвратить обратно эти полезныя силы, конечно приспособивъ ихъ къ новымъ условіямъ жизни на Югѣ. Уже спустя 4 года послѣ „руйнованія“ Сѣчи, 5 мая 1779 года, появляется манифестъ съ объявленіемъ амнистіи запорожцамъ и съ приглашеніемъ ихъ къ возвращенію въ Россію; вскорѣ за нимъ слѣдуетъ и второй — 27 апрѣля 1780 года (см. Короленко, Черноморцы. Спб., 1874, стр. 3, 4). Амнистія однако не произвела большого впечатлѣнія среди устроившихся подъ покровительствомъ Турціи запорожцевъ, и хотя мы узнаемъ о случаяхъ возвращенія запорожцевъ въ русскіе предѣлы (см. вышецитированное сообщеніе Самойлова о запорожцахъ, вошедшихъ въ составъ бугскихъ казаковъ), но это обратное движеніе было очень незначительно по количеству участниковъ. Такъ, въ 1783 году Синельниковъ въ письмѣ къ Попову говоритъ о 4 запорожцахъ, возвратившихся изъ-за Дуная; въ томъ же письмѣ онъ возлагаетъ гораздо больше надеждъ на тѣхъ запорожцевъ, которые остались въ Россіи, главнымъ образомъ въ Малороссіи, проэктируя устроить ихъ по образцу донскихъ казаковъ (письмо отъ 30 сент. 1783 г., Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. IX). Проэктъ Синельникова

стоитъ въ непосредственной связи съ появившимся за три мѣсяца до того, 1 іюля, „циркуляромъ“ Потемкина, въ которомъ онъ обращался къ „тѣмъ изъ пребывающихъ въ Азовской губерніи, въ Славянской и Елисаветградской провинціяхъ, жителей, кои въ бывшемъ войскѣ Запорожскомъ служили“, приглашая ихъ служить въ качествѣ охотниковъ, „въ козачьемъ званіи“, подъ его начальствомъ. Ближайшее завѣдываніе сборомъ желающихъ было возложено Потемкинымъ на нѣсколькихъ бывшихъ запорожскихъ старшинъ (Головатаго, Чепѣгу, Тимковскаго и Легкоступа), а также на Синельникова, причемъ мѣстомъ сбора назначался Херсонъ (Скальковскій, Хронолог. Обозрѣніе, I, 158—159). Такимъ образомъ, Потемкинъ обращался со своимъ призывомъ къ тѣмъ изъ запорожцевъ, которые остались въ Россіи, и, размѣстившись отчасти на новыхъ, отчасти на насиженныхъ мѣстахъ (въ запорожскихъ „палестинахъ“), примирились съ фактомъ „руйнованья“ Сѣчи. Но Потемкинъ понималъ, что примиреніе это не могло передѣлать природы бывшихъ „лыцарей“, и, желая утилизировать ихъ, не нашелъ для этой цѣли иного способа дѣйствій, кромѣ возсозданія изъ бывшихъ запорожцевъ новаго казачества, какъ единственно полезной и для нихъ и для государства формы организаціи. Имѣя въ виду прежде всего военныя цѣли, Потемкинъ въ своемъ циркулярѣ говоритъ о вербовкѣ 500 конныхъ и 500 пѣшихъ („въ лодкахъ“) казаковъ, съ „довольнымъ жалованьемъ и пропитаніемъ“, ничего не упоминая объ отводѣ имъ земель для поселенія. Этотъ послѣдній вопросъ вскорѣ былъ поднятъ помощникомъ Потемкина въ колонизаціонномъ дѣлѣ — Синельниковымъ, сообразившимъ ту выгоду, которая могла бы произойти отъ поселенія столь аклиматизовавшихся людей, какъ запорожцы. „Всѣ они (запорожцы) охотно желаютъ поселиться и жить съ татарами, на ногѣ (по образцу) донскихъ казаковъ, писалъ Синельниковъ Попову въ томъ же 1783 году, по лѣвой сторонѣ Днѣпра (по примѣчанію издателя писемъ, въ нынѣшнихъ Алешкахъ); если бы часть земли имъ обдѣлить, то бы добрыя были бы

селенія“ (письмо отъ 30 сентября 1783 года, Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., т. IX). Препятствіемъ къ поселенію запорожцевъ могъ бы служить ихъ прежній „безженный обычай“, но именно оставшіеся въ Россіи запорожцы очень быстро измѣнили этому обычаю и пообзаводились семьями. Выходцы изъ-за границы являлись болѣе вѣрными носителями запорожскихъ традицій; преимущественно къ нимъ нужно относить заявленіе Потемкина, что при поселеніи запорожцевъ „не могутъ однако терпимы быть общества безженныхъ людей..., но должны они стараться учреждать жительства прочныя и отечеству полезныя“ (ордеръ Потемкина Каховскому отъ 1 іюля 1784 года, Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., т. XV, стр. 609 — 610).

Такимъ образомъ Потемкинъ уже въ 1783 году пытался заложить основаніе новому казачьему войску изъ бывшихъ запорожцевъ, еще лишній разъ проявивъ свое основанное на знаніи мѣстныхъ условій стремленіе къ усиленію казачьяго элемента, стремленіе, которое для многихъ современниковъ являлось только „странной страстью“, производившей „воинскій хаосъ“ (слова Безбородка; см. Брикнеръ, Потемкинъ, Спб., 1891, стр. 69). Однако, эта попытка Потемкина не сразу увѣнчалась успѣхомъ; на его зовъ откликнулось только небольшое количество запорожцевъ, часть которыхъ и была поселена (въ 1785 году) въ Алешкахъ, въ устьѣ Днѣпра (Скальковскій, Хрон. Обозр., I, 178—179). Только въ 1786 году замершее дѣло снова получило движеніе, когда бывшіе запорожскіе старшины, а теперь „арміи секундъ-майоръ и капитанъ“—Сидоръ Бѣлый и Антонъ Головатый, воспользовавшись путешествіемъ Екатерины, подали ей прошеніе о разрѣшеніи на вербовку запорожцевъ. Въ результатѣ этого прошенія, однако спустя довольно много времени (20 августа 1787 года) Потемкинъ снова поручаетъ этимъ старшинамъ „собрать охотниковъ, и конныхъ и пѣшихъ, для составленія военныхъ командъ волонтеровъ въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ“ (Короленко, Черноморцы, стр. 5, а также прилож. I).

На этотъ разъ, подъ вліяніемъ надвигавшейся турецкой войны, организація новаго казачьяго войска пошла настолько быстро, что уже къ концу 1787 года оно насчитывало до 12 тысячъ человѣкъ, которые размѣстились подъ начальствомъ Сидора Бѣлаго, въ качествѣ кошевого атамана, во вновь устроенномъ „кошѣ“ за днѣпровскимъ лиманомъ, съ кинбурнской стороны, т. е. въ окрестностяхъ уже извѣстныхъ въ исторіи Запорожья Алешекъ (Короленко, Черноморцы, 6, 7).

Съ этого времени и до конца войны, вновь образованное войско „вѣрныхъ запорожскихъ казаковъ“ принимаетъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ начальствомъ сначала Бѣлаго, а потомъ Чепѣги. Однако, наравнѣ съ этой боевой дѣятельностью новаго войска, не прекращаются старанія главарей войска обзавестись землей для поселенія, особенно необходимой въ виду необезпеченнаго положенія семействъ многихъ запорожцевъ. Уже въ именномъ указѣ 14 января 1788 года (П. С. З., 16605), подтверждавшемъ учрежденіе новаго войска, выражалось согласіе на отводъ, по ходатайству запорожцевъ, земель „въ Керченскомъ Куту“ (т. е. на Керченскомъ полуостровѣ) и на Тамани для поселенія запорожцевъ, причемъ Потемкину, на котораго возлагалось ближайшее руководство этимъ дѣломъ, разрѣшалось „распространить дозволеніе тутъ селиться и прочимъ изъ-за границы къ нимъ присовокупиться хотящимъ, равно какъ и находящимся въ непріятельской сторонѣ“. Такимъ образомъ, дѣлалась еще разъ попытка вызвать массовое возвращеніе запорожцевъ, ушедшихъ „подъ турка“ и представлявшихъ въ виду войны враждебную силу, которую было желательно обезвредить, даже больше того— утилизировать. Однако и на этотъ разъ, несмотря на рядъ призывовъ, отправленныхъ, по указанію Потемкина, главарями „вѣрныхъ казаковъ“ за Дунай, массоваго возвращенія запорожцевъ не произошло: слишкомъ еще было свѣже въ памяти „руйнованье“ Сѣчи. Но и безъ притока заграничныхъ силъ новое войско, какъ мы видѣли, въ очень короткое

время достигло значительной степени развитія и являлось немаловажнымъ факторомъ въ оказавшейся далеко не столь легкой, какъ думалъ Потемкинъ, борьбѣ съ турками (военная дѣятельность „вѣрныхъ казаковъ“ въ войну 1787—1791 годовъ изложена у Короленка, Черноморцы, стр. 8—28).

Главари вновь съорганизованнаго войска среди военныхъ дѣлъ не забывали о необходимости приготовить для войска условія существованія его въ мирное время. Среди этихъ условій первое мѣсто должно было занимать пріобрѣтеніе обширнаго и подходящаго земельнаго пространства. Мы видѣли, что указъ 14 января 1788 года отвелъ запорожцамъ намѣченныя имъ земли—Керченскій и Таманскій полуострова. Скоро, однако, казаки пришли къ выводу о недостаточности отведенныхъ, хотя еще и не занятыхъ ими, земель и обратились (19 августа 1789 года) съ прошеніемъ объ отводѣ имъ обширнаго пространства земель въ бывшихъ ногайскихъ степяхъ, къ сѣверу отъ Перекопа, очертивъ границы слѣдующимъ образомъ: „отъ устья Берды до Перекопа (по морскому берегу), отъ Перекопа по Кинбурнъ; затѣмъ берегъ лиманскій (т. е. лѣвый берегъ нижняго теченія Днѣпра) до устья Конской, по Конской до вершины Берды, и внизъ по Бердѣ“ (Короленко, Черноморцы, 56—57). Огромная площадь эта охватываетъ нынѣшніе Днѣпровскій, Мелитопольскій и Бердянскій уѣзды Таврической губерніи, и хотя она представляла много выгодъ для поселенія здѣсь запорожцевъ, но Потемкинъ не склоненъ былъ отдавать имъ этихъ земель, предназначенныхъ для колонизаціи не военной (отчасти иностранной). Онъ намѣтилъ для поселенія запорожцевъ земли, болѣе подходившія для военнопоселенческой колонизаціи, только что занятыя у турокъ и оффиціально даже не присоединенныя къ русскимъ владѣніямъ. Это была такъ называемая Ханская Украина, иначе—Очаковская земля, т. е. пространство, расположенное между Бугомъ, являвшимся въ данное время границей, и Днѣстромъ. Земли эти отошли къ Россіи по Ясскому миру 1791 года, закончившему ту турецкую войну, къ успѣш-

ному окончанію которой приложили свои старанія и „вѣрные“ запорожцы. Оповѣщая 1 марта 1790 года кошевого Чепѣгу объ отводѣ этихъ новыхъ обширныхъ земель, Потемкинъ тутъ же прибавлялъ, что, кромѣ того, запорожцамъ будутъ отведены еще мѣста у Кинбурна, „гдѣ включатся въ межу войсковую и озера (соляныя), буде есть не принадлежащія владѣльцамъ“ (Короленко, Черноморцы, прилож. XIII); немного времени спустя, за запорожцами было подтверждено обладаніе Еникольскимъ округомъ и Таманью, преимущественно въ отношеніи рыбныхъ ловель, являвшихся личной собственностью Потемкина и подаренныхъ имъ новому войску (ордеръ отъ 19 апрѣля 1790 года, Короленко, Черноморцы, прил. XIV).

Итакъ, новому войску, за которымъ (повидимому, съ 10 января 1790 года) утвердилось имя Черноморскаго, были отведены обширныя и разнообразныя владѣнія, дававшія возможность будущимъ обитателямъ ихъ предаваться различнымъ видамъ экономической дѣятельности. Оставалось приступить къ заселенію вновь отведенныхъ земель. Здѣсь однако стояло на пути нѣсколько препятствій. Во-первыхъ, продолжавшаяся война требовала отъ новаго войска участія его въ военныхъ дѣйствіяхъ, мѣшая казакамъ заняться устройствомъ на новыхъ мѣстахъ; во-вторыхъ, семейный укладъ жизни реформированныхъ запорожцевъ не могъ сложиться на новыхъ мѣстахъ, встрѣчая сильныя затрудненія. Дѣло въ томъ, что фактъ хотя бы частичнаго возрожденія Сѣчи вызвалъ, съ одной стороны, среди многихъ бывшихъ „лыцарей“, а особенно среди „посполитыхъ“, стремленіе освободиться отъ тѣхъ новыхъ условій, въ которыя они попали послѣ „руйнованія“, въ частности, для многихъ— отъ состоянія „помѣщичьихъ подданныхъ“; то же возрожденіе Сѣчи съ другой стороны произвело крайне тревожное и непріятное впечатлѣніе на быстро развившійся въ Новороссіи послѣ 1775 года помѣщичій классъ, неимѣвшій никакого желанія терять необходимыхъ ему „подданныхъ“. Надежды однихъ и страхъ другихъ находятъ себѣ яркое выраженіе въ рапортѣ, обращенномъ екатеринославскимъ

предводителемъ дворянства Руденкомъ къ генералъ-аншефу Михаилу Каховскому (рапортъ писанъ около 14-го апрѣля 1789 года). Въ этомъ рапортѣ Руденко указываетъ, что среди народа распространился слухъ, „якобы паки возобновляется бывшая Запорожская Сѣчь“, въ которую приглашаются всѣ желающіе, причемъ всякій, „пожелавшій записаться въ Кошъ, гдѣ бы ни былъ на жительствѣ, освобождается съ семьею и имѣніемъ отъ всякой зависимости и повинностей“. Въ результатѣ этого „самаго лестнаго (по выраженію Руденка) для каждаго простого званія обнадеживанія“ многіе помѣщичьи крестьяне проявили стремленіе записываться въ казаки, хотя многіе изъ нихъ якобы никогда не были въ Запорожьи. Этотъ фактъ вызываетъ со стороны Руденка негодованіе, какъ происходящій „противу всей справедливости“ и могущій привести въ разореніе всѣ „слободы“ (нужно замѣтить, что помѣщичья колонизація дѣйствовала въ Новороссіи, главнымъ образомъ, путемъ „скликанія на слободы“, т. е. путемъ предоставленія новымъ поселенцамъ различныхъ льготъ), послѣдствіемъ чего явится „упадокъ въ земледѣліи и домостроительствѣ, а затѣмъ въ казенной подати“ (см. Матеріалы для исторіи б. Запорожья, Кіевск. Стар., 1882 г., т. III, 331—332). Эта энергичная жалоба, за которой, вѣроятно, послѣдовали и другія, вызвала со стороны Потемкина мѣры, стремившіяся уже ограничить притокъ желающихъ войти въ составъ черноморцевъ и селиться на новыхъ земляхъ; именно воспрещался пріемъ всѣхъ „воинскихъ“ поселянъ и служившихъ въ легко-конныхъ полкахъ, т. е., въ сущности говоря, всѣхъ свободныхъ крестьянъ намѣстничества; такимъ образомъ, въ составѣ войска должны были находиться только тѣ казаки, которые въ него уже поступили и приняли участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; наконецъ, составъ семействъ казаковъ, подлежавшихъ переселенію, былъ ограниченъ только женами и дѣтьми (Короленко, Черноморцы, 29—30). Мы видимъ, что жалобы помѣщиковъ произвели свое дѣйствіе и колонизаціонная роль Черноморскаго войска была введена въ опредѣленныя и

узкія рамки. Однако, несмотря на это, помѣщики попрежнему продолжали съ крайней антипатіей смотрѣть на новое войско, видя въ казакахъ людей, желающихъ „прошататься въ праздности и тунеядствѣ“ (слова вышеупомянутаго Руденка), и дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы затормозить дѣло прочнаго устройства новаго войска. Мы находимъ рядъ бумагъ и Потемкина, и Намѣстническаго Правленія, предписывающихъ мѣстнымъ властямъ слѣдить за „нечиненіемъ обидъ и притѣсненій“, какъ самимъ казакамъ, временно находящимся въ казенныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ, такъ равно и ихъ семьямъ; тѣ же предписанія требуютъ исключенія казаковъ и ихъ семей изъ подушнаго оклада и оказанія имъ помощи при переселеніи за Бугъ (см. ордеръ Потемкина отъ 2 іюля 1790 года, Лѣтописи, № 74, указы Намѣстническаго Правленія отъ 26 февраля и 26 іюля 1790 года, Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., т. XI). Однако, несмотря на это вмѣшательство высшихъ властей, дѣло переселенія сильно тормозилось, такъ какъ, по словамъ самихъ казаковъ, „помѣщики и ихъ прикащики, не взирая на данныя отъ насъ (казачьихъ властей) свидѣтельства, присваиваютъ непринадлежаще въ подданство, самихъ (казаковъ) содержива подъ стражей, а ихъ женъ и дѣтей угнетая ежедневно работою“ (см. всеподданнѣйшую просьбу казаковъ отъ февраля 1792 года, Кіевск. Стар., 1882 г., т. III, 333).

Несмотря на эти препятствія, заселеніе Черноморскимъ войскомъ отведенныхъ ему земель между Бугомъ и Днѣстромъ, начавшись весной 1790 года, шло довольно успѣшно, такъ какъ спустя два года сюда переселилось 1.759 семействъ, включавшихъ 5.068 душъ мужск. и 4.414 душъ женск. пола, которыя размѣстились въ 25 селеніяхъ (см. Короленко, Черноморцы, 29—30). На этихъ новыхъ мѣстахъ возрожденные запорожцы пожелали возстановить и прежніе порядки, насколько они были совмѣстимы съ новымъ, семейнымъ и болѣе зависимымъ, укладомъ жизни. Въ Слободзеѣ на Днѣстрѣ былъ образованъ конъ, который здѣсь являлся только мѣстопребываніемъ коневого и другихъ властей, а

не лагеремъ неженатыхъ казаковъ, какъ было въ Сѣчи (въ Слободзеѣ жило 130 казачьихъ семействъ, см. В. И. Григоровичъ, Записка о пособіяхъ къ изученію южно-русской земли, Записки Новороссійск. Универ., т. XIX, стр. 18—19). Организація управленія войскомъ являлась копіей сѣчевого устройства, только въ меньшихъ размѣрахъ и съ меньшей долей самостоятельности. И кошевой (должность, которую послѣ смерти организатора черноморцевъ, Сидора Бѣлаго, занималъ Чепѣга, пожалованный правительствомъ въ бригадиры), и его ближайшіе помощники въ дѣлѣ управленія—войсковые судья, есаулъ и писарь, обязательно должны были получить утвержденіе въ своихъ должностяхъ отъ русской власти. Да и вообще казачьи власти часто оказывались въ большой зависимости отъ русскихъ „командировъ“, проявлявшихъ свою власть въ довольно тяжелыхъ формахъ (см. Короленко, Черноморцы, стр. 53). Объ организаціи управленія черноморцевъ за Бугомъ нужно вообще замѣтить, что вслѣдствіе кратковременности пребыванія ихъ въ этихъ мѣстахъ, управленіе не успѣло значительно развиться. Кромѣ управленія центральнаго—Коша, имѣлось управленіе мѣстное, опять таки скопированное съ управленія „вольностями“ стараго Запорожья. Именно, отведенная войску территорія дѣлилась на три паланки: Поднѣстрянскую (наиболѣе важную), Кинбурнскую и Березанскую (Короленко, Черноморцы, стр. 56). На обширныхъ пространствахъ этихъ трехъ паланокъ новые поселенцы, по собственному заявленію, „завели себѣ хозяйство порядочное“, въ составъ котораго входили „домостроительство, водяныя и вѣтряныя мельницы, хлѣбопашество, скотоводство, лѣса, сады, виноградъ, пасѣки, рыболовные заводы“ (Кіевск. Стар., 1882 г., т. VI, стр. 333). Что касается военной службы, являвшейся главной цѣлью учрежденія новаго войска, то черноморцы несли ее, подобно екатеринославскимъ казакамъ, по донскому образцу. Первоначально они были организованы въ видѣ командъ, пѣшихъ и конныхъ; впослѣдствіи это устройство было замѣнено дѣленіемъ на полки, численностью по 500 человѣкъ въ

каждомъ; общее число полковъ неизвѣстно (см. Короленко, Черноморцы, стр. 80—81). Таково было состояніе черноморцевъ къ концу Потемкинской эпохи; смерть Потемкина оказалась для ихъ дальнѣйшей судьбы многозначительнымъ фактомъ. Въ лицѣ своего „гетмана“ черноморцы лишились прочной защиты отъ той сильной вражды, которую вызывала въ себѣ воскресшая Сѣчь со стороны новыхъ хозяевъ новороссійской земли, и если Черноморскому войску и удалось отстоять свое существованіе, то цѣной ухода изъ культивированной ихъ трудами Ханской Украины въ дикія пространства Кубани.

Разсмотрѣнныя нами до сихъ поръ поселенныя войска (гусары, пикинеры, бугскіе, екатеринославскіе и черноморскіе казаки) въ военное время выступали въ качествѣ легкой кавалеріи — рода оружія, имѣвшаго немалое значеніе при военныхъ дѣйствіяхъ въ черноморскихъ степяхъ. Вполнѣ понятно, что Потемкинъ преимущественно заботился о поселенныхъ войскахъ именно такого типа. Однако, въ числѣ военныхъ поселеній, устроенныхъ Потемкинымъ на Югѣ, мы находимъ одно, отступающее отъ общаго, кавалерійскаго, типа этихъ поселеній. Этимъ исключеніемъ является Албанское войско или, иначе, Греческій пѣхотный полкъ. Учрежденіе этого войска стоитъ въ прямой связи съ тѣмъ дѣятельнымъ участіемъ, какое приняли турецкіе греки (особенно жители Мореи и Архипелага) въ турецкой войнѣ 1768—1774 годовъ, въ качествѣ союзниковъ Россіи. Знаменитая „Архипелажская экспедиція“ Алексѣя Орлова, всколыхнувъ христіанскихъ жителей тѣхъ частей Турецкой имперіи, гдѣ она дѣйствовала, повлекла за собой болѣе или менѣе организованное возстаніе этихъ жителей, т. е. грековъ. Повстанцы, при дѣятельной поддержкѣ русскаго правительства, организовались въ опредѣленныя военныя единицы, носившія названія Спартанскихъ легіоновъ, Греческаго или Албанскаго войска. Пока шла война, эти греческія войска, сражаясь рядомъ съ русскими, чувствовали себя хоть отчасти защищенными отъ мести турокъ; но когда

наступилъ конецъ военнымъ дѣйствіямъ, возставшіе греки должны были задаться вопросомъ о дальнѣйшей своей судьбѣ. Правда, въ числѣ условій Кайнарджійскаго мира находился пунктъ о дарованіи Турціей амнистіи ея возставшимъ христіанскимъ подданнымъ, но греки не могли питать иллюзій на счетъ реальнаго значенія этого пункта. Въ августѣ 1774 г. Албанское войско обратилось съ „прошеніемъ“ къ „полномочному Ея Величества, главнокомандующему въ Архипелагѣ“ — Алексѣю Орлову, въ которомъ оно выражало „недоумѣніе въ разсужденіи нынѣшнихъ временныхъ обстоятельствъ“ и „желало узнать о будущемъ своемъ состояніи“. Въ отвѣтъ на это прошеніе, Орловъ отправилъ изъ Пизы (являвшейся неразъ его резиденціей во время Архипелажской экспедиціи) 2-го сентября 1774 года обширное воззваніе, адресованное на имя всего Албанскаго войска. Въ этомъ воззваніи, послѣ выраженія похвалы грекамъ за ихъ военныя заслуги, Орловъ, отъ имени Императрицы, объявлялъ, что всѣ служившіе въ войскѣ, если пожелаютъ, будутъ перевезены въ Россію, гдѣ они сохранятъ свои чины и жалованье. Вмѣстѣ съ чинами войска должны быть перевезены ихъ семьи и родственники, а равно и тѣ „единоземцы“, которые пожелаютъ эмигрировать. Эта эмиграція могла происходить для желающихъ послѣ устройства ими ихъ дѣлъ въ Греціи, причемъ ихъ право на выѣздъ изъ Турціи подтверждалось ссылкой на статьи мирнаго договора.

Воззваніе Орлова произвело впечатлѣніе на грековъ; подъ вліяніемъ его въ томъ же 1774 году была снаряжена въ Петербургъ депутація, во главѣ которой стали майоръ Константинъ Георги и капитанъ Стефанъ Мавромихали; депутація эта встрѣтила внимательное къ себѣ отношеніе со стороны Екатерины, въ результатѣ котораго появился рескриптъ 28 марта 1775 года на имя Алексѣя Орлова, поставившій на прочную почву дѣло Албанскаго войска (о появленіи войска, его дѣятельности на войнѣ, см. Сафоновъ, Остатки греческихъ легіоновъ въ Россіи, Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., т. I, стр. 205—211).

Именной указъ 28 марта 1775 года на имя Орлова-Чесменскаго „о дозволеніи служившимъ во флотѣ подъ предводительствомъ его грекамъ поселиться въ городахъ Керчи и Ениколѣ, съ предоставленіемъ имъ особливыхъ выгодъ“ (П. С. З., 14284) стремился использовать оказавшійся неожиданно подъ руками колонизаціонный матеріалъ путемъ заселенія имъ только что присоединенныхъ важныхъ по своему географическому положенію „воротъ въ Черное море“. Подтверждая еще разъ „уваженіе“ къ „похвальной службѣ“ грековъ, указъ 28 марта объявляетъ, что подъ селеніе грековъ отводятся обращаемые „въ свободный и вольный портъ“ Керчь и Еникале. Въ качествѣ колонистовъ сюда приглашаются какъ всѣ, служившіе въ Греческомъ (или Албанскомъ) войскѣ, съ ихъ семьями, такъ и всѣ желающіе греки, въ неограниченномъ количествѣ, причемъ имъ гарантируется даровой проѣздъ на русскихъ корабляхъ. Главный надзоръ за всѣмъ дѣломъ переселенія указъ поручаетъ Потемкину, подъ властью котораго находятся отводимые города; ближайшее же руководство отдается „начальнику или коменданту“ этихъ крѣпостей (въ дѣйствительности, оберъ-коменданту). Комендантъ долженъ прежде всего заняться „домостроительствомъ“ на средства, которыя будутъ отпущены изъ казны. Грекамъ будутъ отводиться земли не только въ самыхъ городахъ, для постройки домовъ, но и въ ихъ окрестностяхъ (указъ неопредѣленно говоритъ объ Азовской губерніи вообще). Такимъ образомъ, греческая колонизація должна была носить и городской, и сельскій характеръ, въ зависимости отъ наклонности поселенцевъ къ земледѣлію или же къ промышленности и торговлѣ.

Отводя новымъ поселенцамъ территорію для жительства, правительство должно было позаботиться о внутреннемъ строѣ новаго поселенія. Въ послѣднемъ отношеніи указъ 28 марта является частнымъ проявленіемъ тѣхъ общихъ началъ, которыя были положены въ основу Екатерининской колонизаціонной политики. Какъ и другимъ иностраннымъ колонистамъ, „албанцамъ“ (таково было обще-

употребительное названіе новыхъ переселенцевъ, вѣроятно вслѣдствіе нахожденія среди нихъ многочисленныхъ въ то время въ Греціи албанцевъ) предоставлялись значительныя привилегіи и льготы. Албанское войско являлось самоуправляющейся общиной. Во главѣ дойска долженъ былъ стоять „генералъ Албанской націи", избираемый греками и утверждаемый Императрицей. Функціи этого „генерала" не опредѣлены указомъ, но слѣдуетъ думать, что „генералъ" долженъ былъ стоять во главѣ войска „изъ націоналовъ", ближайшее устройство котораго, по словамъ указа, должно было быть опредѣлено особымъ „условіемъ". Что касается гражданскаго управленія, то указъ мимоходомъ говоритъ о „начальникѣ провинціи"—должность, о которой мы впослѣдствіи не находимъ никакихъ слѣдовъ; возможно, что этотъ „начальникъ" по мысли указа совпадалъ съ вышеупомянутымъ „генераломъ". Болѣе точнымъ образомъ была опредѣлена компетенція „магистрата изъ греческаго купечества", на который возлагалось „наблюденіе внутренняго благочинія и всякаго званія торговыя дѣла". Такъ какъ одновременно съ магистратомъ изъ купечества устраивался и судъ „изъ собственныхъ ихъ (грековъ) офицеровъ для разбирательства ссоръ", то слѣдуетъ заключить, что указъ 28 марта стремился создать отдѣльные органы управленія для чисто военнаго и невоеннаго (преимущественно купеческаго) элементовъ среди поселяемыхъ грековъ. Однако въ указѣ мы не находимъ дальнѣйшаго развитія этого плана. Къ организаціи управленія можно отнести также „апробацію" избранія греками греческаго архіепископа, который долженъ посвящаться Синодомъ.

Устраивая управленіе новыхъ поселенцевъ, правительство проявляло большую щедрость въ надѣленіи ихъ различными льготами. Помимо отвода земли и постройки колонистамъ домовъ и общественныхъ зданій на казенный счетъ, указъ 28 марта освобождаетъ отъ податей—„военнослужащихъ" навсегда, остальныхъ—частью на 30 лѣтъ (поселяющихся въ Керчи и Еникале), частью—на 15 (тѣхъ, „кои

получатъ земли въ Азовской губерніи"), причемъ подати должны взиматься не съ душъ, а съ семей. Въ отношеніи воинской повинности переселенцы совершенно освобождались отъ рекрутскаго набора; желающіе могли служить въ Албанскомъ войскѣ, которое только въ военное время могло быть выведено изъ мѣстъ его разселенія. Большой льготой являлось обѣщаніе „учинить свободный и вольный портъ" въ Керчи и Еникале; но подробная регламентація портофранко не нашла мѣста въ разсматриваемомъ указѣ. Этотъ вопросъ былъ разъясненъ сенатскимъ указомъ 26 мая 1776 года (П. С. З., 14473), который, устанавливая новыя таможни въ Новороссіи, опредѣлялъ, въ виду необходимости для жителей Керчи и Еникале, „товаровъ, служащихъ къ пищѣ и одеждѣ", свободный ввозъ въ эти города какъ иностранныхъ товаровъ, такъ и русскихъ, причемъ послѣдніе должны были направляться только черезъ таможню при Александровской крѣпости (на Днѣпровской линіи). Помимо этихъ чрезвычайныхъ торговыхъ льготъ, греческіе купцы уравнивались вполнѣ въ правахъ съ купцами Имперіи, причемъ для разширенія ихъ операцій указъ 28 марта учреждалъ въ Керчи банкъ, который долженъ былъ дѣйствовать на основаніи общихъ правилъ о такихъ поддерживаемыхъ правительствомъ банкахъ.

Таковы были главныя основанія, на которыхъ должно было устраиваться поселеніе Албанскаго войска въ Новороссіи. Къ этому поселенію были сдѣланы первые шаги въ томъ же 1775 году, лѣтомъ, когда прибыла первая партія изъ 270 человѣкъ, для устройства которыхъ Потемкинъ требовалъ содѣйствія отъ Азовскаго губернатора Черткова. Чертковъ долженъ былъ позаботиться о выдачѣ „албанцамъ" жалованья и „трактамента", а также о постройкѣ для нихъ жилищъ (ордеръ Потемкина отъ 6 августа 1775 года, Лѣтописи, № 445). Потемкинъ надѣялся на скорое прибытіе еще 3 тысячъ человѣкъ, и, вѣроятно, по этой причинѣ, предписалъ „секретно" Черткову пріискивать по берегу Азовскаго моря мѣста, удобныя для поселенія (ордеръ отъ 2 сентября

1775 года, Лѣтописи, № 453). На расходы по первоначальному устройству албанцевъ Потемкинъ получилъ въ 1775 году 50 тысячъ рублей. Однако надежды Потемкина на сильный приливъ переселенцевъ не слишкомъ оправдались. Спустя годъ, въ своемъ докладѣ Императрицѣ отъ 9 іюля 1776 года, Потемкинъ въ общемъ итогѣ насчитываетъ въ Керчи, Еникале и Таганрогѣ (гдѣ тоже были отведены земли) всего около 1.300 человѣкъ; впрочемъ здѣсь посчитаны, повидимому, только мужчины (Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., т. VIII). Несмотря на эти скромные итоги, Потемкинъ не намѣренъ былъ останавливаться передъ новыми расходами по устройству грековъ. Онъ поручаетъ Черткову представить свѣдѣнія о суммахъ, необходимыхъ для постройки домовъ, гостиннаго двора и госпиталя, а также для содержанія школъ и магазиновъ (провіантскихъ; ордеръ отъ 16 марта 1776 года, Лѣтописи, № 546), и на основаніи полученныхъ имъ свѣдѣній обращается съ цитированнымъ уже нами докладомъ 9 іюля, въ которомъ онъ проситъ объ ассигнованіи намѣчаемыхъ имъ суммъ.

На основаніи этого доклада Императрица постановила отпускать ежегодно по 72 тысячи рублей на содержаніе грековъ въ Керчи, Еникале и Таганрогѣ, и сверхъ того выдать единовременно 64 тысячи съ той же цѣлью, причемъ эти суммы должны были расходоваться, подъ надзоромъ Потемкина, керченскимъ оберъ-комендантомъ Борзовымъ (Именной указъ кн. Вяземскому отъ 22 августа 1776 года, П. С. З., 14494, и рескриптъ Потемкину отъ того же числа, Сборн. Импер. Рус. Ист. Общ., т. XXVII, ст. 111). Имѣя теперь подъ руками относительно большія средства, Потемкинъ могъ настойчиво требовать отъ своихъ помощниковъ—Черткова и особенно Борзова—энергичной дѣятельности по устройству грековъ. На этихъ лицъ имъ было возложено продовольствіе еще неустроившихся поселенцевъ, снабженіе ихъ скотомъ, конфискованнымъ у запорожскихъ старшинъ при „руйнованьи“ Сѣчи, а также постройка какъ домовъ, такъ и общественныхъ зданій—гостиннаго двора, госпиталя, аптеки,

школъ и карантина. Сообщая объ этихъ мѣрахъ самимъ грекамъ, Потекинъ „почтеннѣйше приглашалъ“ ихъ выбрать двухъ депутатовъ, которые отъ имени всѣхъ переселенцевъ высказали бы ему свои пожеланія („грамота“ Потемкина Албанскому войску отъ 22 апрѣля 1776 года, Лѣтописи, № 705; грамота эта приведена безъ даты въ статьѣ Сафонова, Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., т. I, стр. 216—217).

1776 годъ прошелъ въ энергичной работѣ по устройству албанцевъ, причемъ въ ихъ судьбѣ принимала участіе и Екатерина, просившая Потемкина позаботиться объ обезпеченіи зимовки албанцевъ, размѣщенныхъ, кромѣ Керчи и Еникале, и по другимъ городамъ Азовской губерніи (записка Потемкину, конца 1776 года, Сборн. Импер. Рус. Ист. Общ., т. XXVII, стр. 124—125). Въ свою очередь Потемкинъ настойчиво требовалъ отъ своихъ помощниковъ „приложить труды къ трудамъ“, причемъ возлагалъ на нихъ также порученіе выработать проектъ „Привиллегіи“ для грековъ, желая, такимъ образомъ, еще болѣе привязать поселенцевъ къ ихъ новой родинѣ (ордеръ отъ 13 іюля 1776 года, Лѣтописи, № 607). Намъ неизвѣстно, была ли выработана эта „Привиллегія“, но и безъ нея льготы, данныя и обѣщанныя грекамъ были вполнѣ достаточны для ихъ благополучія. Одна изъ этихъ льготъ, едва ли не самая важная—о портофранко, была понята греками въ слишкомъ широкомъ смыслѣ, что и вызвало протестъ со стороны Потемкина. Хотя, какъ мы упомянули выше, сенатскій указъ 26 мая 1776 г. опредѣлилъ безпошлинный ввозъ только товаровъ, „служащихъ къ пищѣ и одеждѣ“ самихъ грековъ, но греки, пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, обратились съ ходатайствомъ къ Потемкину о безпошлинной торговлѣ вообще, на что Потемкинъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, мотивируя этотъ отказъ тѣмъ, что въ случаѣ дарованія грекамъ безпошлинной торговли, вся черноморская торговля Россіи перешла бы въ ихъ руки (ордеръ отъ 24 августа 1776 года, Лѣтописи, № 647).

Переселеніе „албанцевъ“ на берега Чернаго и Азовскаго морей имѣло, въ глазахъ и Екатерины и Потемкина,

главную цѣль—утилизовать ихъ въ качествѣ военныхъ колонистовъ. Хотя организаціонный указъ 1775 года и говорилъ о составленіи особаго „условія“ для дѣятельности „войска изъ націоналовъ“, однако прошло немало времени, пока „войско“ это получило опредѣленное устройство. Впрочемъ, даже въ своемъ неорганизованномъ состояніи, албанцы оказались полезными при усмиреніи возстанія крымскихъ татаръ зимой 1777—1778 годовъ (Сафоновъ, Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., т. I, стр. 218—219). Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ этихъ дѣйствій албанцевъ, Потемкинъ выработалъ проектъ устройства изъ албанцевъ пѣхотнаго Греческаго полка. Полкъ этотъ долженъ былъ состоять изъ 12 ротъ. Проектъ Потемкина былъ утвержденъ Императрицей 3-го августа 1779 года, съ уменьшеніемъ числа ротъ до 8, и на основаніи его началась организація полка въ Таганрогѣ, продолжавшаяся до 1783 года. О внутренней жизни „албанцевъ“ за это время мы не имѣемъ свѣдѣній; повидимому, они постепенно дифференцировались на двѣ отдѣльныхъ части: собственно „войско“ (или полкъ) и невоенныхъ, преимущественно купцовъ. Это раздѣленіе упрочилось окончательно въ 1784 году, когда Греческій полкъ былъ перемѣщенъ на новыя мѣста—вглубь только что присоединеннаго Крыма. Охрана береговой линіи Крыма являлась крайне важнымъ дѣломъ, какъ для препятствованія въѣзду въ Крымъ турецкихъ агитаторовъ, такъ и для надзора за полуразрѣшенной эмиграціей крымскихъ татаръ въ Турцію. Наиболѣе подходящимъ матеріаломъ для такой охраны являлись греческіе военные поселенцы, которые могли легко аклиматизоваться въ гористой приморской полосѣ. Руководствуясь этими соображеніями, Потемкинъ произвелъ переселеніе грековъ, входившихъ въ составъ полка, на южный берегъ Крыма. (Остальные албанцы, именно поселившіеся около Таганрога, остались на прежнихъ мѣстахъ; см. письмо Коховскаго Попову отъ 5 сентября 1787 года, Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., т. X). Центромъ ихъ новаго поселенія была назначена Балаклава, въ окрестностяхъ которой были отведены

земли для чиновъ полка, въ размѣрѣ 60 десятинъ для офицеровъ и 15 десятинъ для рядовыхъ. Земледѣліе получило при новомъ устройствѣ грековъ преобладающее значеніе; однако, попрежнему чинамъ полка было сохранено денежное жалованье, а рядовымъ, сверхъ того, выдача провіанта. (Такъ говоритъ въ своей статьѣ Сафоновъ, однако, въ ордерѣ Потемкина барону Игельштрому отъ 17 августа 1787 года (Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., т. XII), опредѣленно говорится о прекращеніи выдачи жалованья послѣ надѣленія землей; тоже у Скальковскаго, Хрон. Обозр., т. I, стр. 126—127). Наконецъ, они были въ 1787 году освобождены отъ уплаты поземельной подати.

Что касается внутренней организаціи Греческаго полка, то переселеніе въ Крымъ не внесло въ нее перемѣнъ. Командиромъ полка долгіе годы состоялъ премьеръ-майоръ Чапони, который находился въ непосредственной зависимости отъ правителя Таврической области (см. Сафоновъ, Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., т. I, 219—222, 224; Скальковскій, Опытъ, т. I, 277—280—по статьѣ Сафонова).